

ЛЕТО с МОНТЕНЕМ

Антуан Компаньон

Антуан Компаньон
Лето с Монтенем

«Ад Маргинем Пресс»

2013

Компаньон А.

Лето с Монтенем / А. Компаньон — «Ад Маргинем Пресс», 2013

ISBN 978-5-91103-550-1

Один из выдающихся литературоведов современности, профессор Коллеж де Франс Антуан Компаньон (род. 1950) посвятил Мишелю де Монтеню два больших исследования, а в 2012 году подготовил для радиостанции France Inter серию из сорока коротких передач, обобщающих основные темы Опытов — единственного (не считая писем) сочинения Монтеня, которое сделало его одним из основоположников мировоззрения Нового времени и создателем жанра эссе. Книга Лето с Монтенем, составленная из текстов этих передач, вышла во Франции год спустя и стала бестселлером. Беспечно прогуливаясь по причудливому и необозримому пейзажу Опытов, как по родному городу, Компаньон передает нам — своим спутникам — удовольствие узнавания его памятников и курьезов. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-91103-550-1

© Компаньон А., 2013

© Ад Маргинем Пресс, 2013

Содержание

От автора	6
1	7
2	9
3	11
4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Антуан Компаньон

Лето с Монтенем

© Éditions des Équateurs / France Inter, 2013

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

От автора

Представьте себе: вы лежите на пляже или готовитесь к обеду, потягивая аперитив, и вдруг слышите, как по радио кто-то вещает о Монтене... Когда Филипп Валь предложил мне сделать для радиостанции France Inter цикл летних передач об *Опытах* – по одному пятнадцатиминутному выпуску на каждый день, – эта идея удивила меня и показалась настолько рискованным вызовом, что я не устоял перед искушением его принять.

Замысел изложить труд Монтеня в виде немногочисленных отрывков был полной противоположностью всему, чему меня когда-то учили, шел вразрез с теми представлениями, которые господствовали в пору моего студенчества. В те времена извлечение из *Опытов* традиционной морали в форме сентенций осуждалось: преподаватели призывали нас обращаться к тексту во всей его сложности и противоречивости. Если бы кто-то осмелился кромсать Монтеня и подавать его по кусочкам, его бы тут же нещадно высмеяли, заклеив как *minus habens*¹, а работу отправили бы на свалку истории вслед за *Трактатом о мудрости* Пьера Шаррона², составленным как раз из почерпнутых в *Опытах* формул. Пересмотреть этот запрет и подумать, как его обойти, я счел соблазнительной провокацией.

Однако задача выбора четырех десятков отрывков в несколько строк и их краткого истолкования, которое показывало бы всю стоящую за ними историю и в то же время их актуальное значение, казалась невыполнимой. Как выбирать? Наугад, подобно блаженному Августину, открывавшему случайные страницы Библии? Призвать на помощь чей-нибудь невинный перст? Или, может быть, проскакать галопом по основным темам *Опытов*? Показать их богатство и разнообразие или, наоборот, ограничиться несколькими любимыми фрагментами, не заботясь о единстве и полноте представления? Я использовал все эти варианты одновременно, без всякого предварительного плана.

И, конечно, я не мог отказаться от предложения занять эфирное время, в свое время принадлежавшее Люсьену Жёнексу³, которому я обязан лучшей частью моей юношеской культуры.

Текст *Опытов* цитируется по изданию 1595 года⁴.

¹ Слабоумный (лат.). – Здесь и далее – примечания переводчика.

² Пьер Шаррон (1541–1603) – французский богослов и моралист. Его *Трактат о мудрости* вышел в 1601 году.

³ Люсьен Жёнекс (настоящее имя Люсьен Женн; 1918–2008) – актер, певец и многолетний ведущий популярной программы-викторины *Игра на тысячу франков*, выходящей на радиостанции France Inter каждый день, кроме выходных, с 12:45 до 13:00.

⁴ В русском переводе цитаты приводятся по изданию: *Монтень М. Опыты*. В 3 кн. / пер. А. С. Бобовича, Ф. А. Коган-Бернштейн, Н. Я. Рыковой / 2-е изд. В 2 т. М.: Наука («Памятники литературы»), 1979. В скобках указаны номера цитируемой книги *Опытов*, главы и страницы этого издания.

1

Вовлеченность

Поскольку Монтень охотно преподносил себя как почтенного господина, удалившегося на покой и нашедшего убежище в личной библиотеке, мы забываем о том, что он был публичной персоной, весьма глубоко вовлеченной в дела своего времени, и в этот смутный период нашей истории исполнял важные политические функции. Так, при его участии проходили переговоры между католиками и протестантами, между Генрихом III и Генрихом Наваррским, будущим Генрихом IV, из которых он извлек для себя следующий урок:

В немногих случаях, когда мне доводилось в крупных и мелких разногласиях, разрывающих нас ныне на части, посредничать между нашими государями, я всегда старательно избегал надевать на себя маску и вводить кого бы то ни было в заблуждение. Кто набил в этом ремесле руку, тот держится возможно более скрытно и всячески притворяется, что исключительно доброжелателен и уступчив. Что до меня, то я выкладываю мое мнение сразу, без околичностей, на свой собственный лад. Совестьливый посредник и новичок, предпочитающий скорее отступить от дела, чем от самого себя! Так бывало со мной до последнего времени, и мне настолько везло (а ведь удача здесь безусловно самое главное), что мало кто, имея сношения с враждебными станами, вызывал меньше моего подозрений и снискивал столько ласки и дружелюбия. Я всегда откровенен, а это производит благоприятное впечатление и с первого взгляда внушает доверие. Непосредственность и правдивость своевременны и уместны в любой век, каким бы он ни был (III. 1. 6–7).

Вся взрослая жизнь Монтеня разворачивалась на фоне гражданских войн, худших из всех – часто напоминает он, – ибо в них сходятся друг против друга друзья и братья. Между 1562 годом, когда Монтеню еще не было и тридцати, и до самой его смерти в 1592 году сражения и стычки, осады и убийства лишь изредка сменялись краткими перемириями.

Как ему удалось выжить? Он часто задается этим вопросом сам, в том числе и в главе *О полезном и честном*, открывающей третью книгу *Опытов* и написанной в 1588 году, после тяжелых испытаний, пережитых им на посту мэра Бордо в период буйств войны и чумы.

Полезное и честное: Монтень размышляет здесь о гражданской нравственности, о целях и средствах, о государственных интересах. В моде тогда был Макиавелли и политический реализм, который воплощала Екатерина Медичи, дочь Лоренцо II, которой посвящен труд итальянского ученого *Государь*. Королева-мать, вдова Генриха II, мать трех последних представителей династии Валуа, она приняла одно из самых гнусных решений эпохи – устроить резню Варфоломеевской ночи.

Во имя государственных интересов – ради стабильности государства, рассматриваемой как высшее благо, – макиавеллизм позволяет лгать, нарушать слово, убивать. Монтень не пошел бы на это никогда. Он презирует ложь и лицемерие, всегда предстает таким, каков он есть, говорит, что думает, не оглядываясь на обычаи. Скрытности он предпочитает откровенность, прямоту, порядочность. Для него цель не оправдывает средства, и он не готов принести в жертву государственным интересам мораль частного лица.

Причем он приходит к выводу, что подобное неразумное поведение не просто не причинило ему никакого вреда, но, более того, принесло пользу. Оно оказалось не только честнее, но и полезнее. Публичному человеку достаточно единожды солгать, и ему больше никто не будет

верить: станет ясно, что он готов идти на временные уловки, не заботясь о последствиях, и, следовательно, поступает неразумно.

Согласно Монтеню, искренность, верность своему слову вознаграждается сторицей. Даже если вас не побуждают к честности нравственные убеждения, в ее же пользу говорят практические доводы.

2

Беседа

Как Монтень ведет себя в разговоре, будь то обычная беседа или более формальная дискуссия? Он объясняет это в главе *Об искусстве беседы* третьей книги *Опытов*. Разговор – это диалог, обмен мнениями. Монтень предстает перед нами как человек, внимательный к мыслям других, открытый, доступный, не стремящийся упрямо, безоглядно, во что бы то ни стало стоять на своем:

Кто бы ни преподносил мне истину, я радостно приветствую ее, охотно сдаюсь ей, протягиваю ей свое опущенное оружие, даже издали видя ее приближение. Если, критикуя мои писания, принимают не слишком высокомерный и наставительный тон, я охотно прислушиваюсь и многое меняю в написанном мною скорее из соображений учтивости, чем для того, чтобы действительно произвести какие-то улучшения. Даже в ущерб себе я готов легко уступать критикам, чтобы поддерживать и поощрять в них желание свободно выражать свои мнения (III. 8. 181–182).

Монтень уверяет, что уважает истину, даже когда она исходит из уст того, кто ему не симпатичен. Он не гордый, возражения не загоняют его в тупик и не заставляют чувствовать себя униженным, ему даже нравится, когда его поправляют, если он ошибается. А вот высокомерные, нетерпимые, уверенные в своей правоте собеседники ему не по вкусу.

Таким образом, он кажется в высшей степени честным и свободомыслящим человеком, любящим идеи без оглядки на самомнение и не претендующим на истину в последней инстанции. Беседа для него – это не битва, которую нужно выиграть.

Однако Монтень сразу оговаривается: он уступает тем, кто ему возражает, не столько ради улучшений в себе самом, сколько из учтивости, особенно если его оппонент демонстрирует заносчивость. В этом последнем случае Монтень соглашается, внутренне оставаясь при своем мнении. Разве это не уловка, идущая вразрез с его постоянным восхвалением искренности? Своим самоуверенным собеседникам, да и остальным, он без особого сопротивления, из вежливости дает почувствовать себя правыми, чтобы они и впредь рассеивали его заблуждения, просвещали его. Нужно отдать оружие в руки другого или, по крайней мере, уверить его в этом, чтобы он не боялся высказывать свое мнение в будущем.

Однако современников моих крайне трудно вовлечь в такой спор: у них нет мужества указывать собеседнику на его ошибки; не хватает у них духу и на то, чтобы самим принимать его замечания, и друг с другом они всегда говорят неискренно. Я настолько люблю, чтобы люди обо мне судили и узнавали мою подлинную сущность, что мне почти безразлично, идет ли речь о том или о другом. В воображении своем я так склонен противоречить самому себе и осуждать самого себя, что мне всё равно, если это делает кто другой: главное ведь то, что я придаю его мнению не больше значения, чем это мне в данный момент угодно. Но я прекращаю спор с тем, кто уж слишком заносится: я знавал одного человека, который обижается за свое мнение, если ему недостаточно верят, и считает оскорблением, если собеседник колеблется, последовать ли его совету (III. 8. 134).

Монтень сожалеет, что современники мало возражают ему, боясь услышать ответные возражения. Поскольку им не нравится, когда спорят с ними, так как это их унижает, они не спорят и сами, и каждый замыкается в своих убеждениях.

Наконец, еще один важный момент: Монтень легко соглашается с другими не только из учтивости или ради того, чтобы увлечь собеседника разговором, но и потому, что он сам не слишком уверен в себе, ведь его взгляды порою меняются и он спокойно себе противоречит. Монтень любит противоречия, причем охотно возражает себе сам. А ненавидит он слишком гордых людей, которых оскорбляет, если собеседник с ними не соглашается. Единственный предмет его осуждения – это самонадеянность, чванство.

3

Всё движется

В *Опытах* сплошь и рядом встречаются мысли о зыбкости, подвижности вещей в этом мире и о неспособности человека к их познанию. Однако тот человек, что предстает перед нами в начале главы *О рассказании* из третьей книги, как нельзя более устойчив. Монтень там суммирует мудрость, которой ему удалось достичь, – мудрость, дарованную ему самим написанием его книги. И вот перед нами очередной парадокс – устойчивость в движении:

Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее, говоря по правде, совсем иную. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. Черты моего рисунка нисколько не искажают истины, хотя они всё время меняются и эти изменения исключительно разнообразны. Весь мир – это вечные качели. Всё, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды, – и качается всё это вместе со всем остальным, а также и само по себе. Даже устойчивость – и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание. Я не в силах закрепить изображаемый мною предмет. Он бредет беспорядочно и пошатываясь, хмельной от рождения, ибо таким он создан природою. Я беру его таким, каков он предо мной в то мгновение, когда занимает меня (III. 2. 18–19).

Как это часто бывает, Монтень начинает с уверений в скромности своего замысла. Его цель проста и непритязательна. Он не стремится выступить с неким учением, тогда как едва ли не все остальные авторы пытаются просвещать и воспитывать. Он рассказывает о себе, говорит от лица человека, причем представляется как человек, далекий от образца: он «не является перлом творения», и менять что-то уже поздно. А значит, не стоит видеть в нем пример для подражания.

И всё же он ищет истину, а ее невозможно обнаружить в столь неустойчивом и бурном мире. Всё течет, как говорил Гераклит. Ничто не вечно в мире: ни горы, ни пирамиды, ни чудеса природы, ни памятники, созданные человеком. Объект подвижен, и субъект тоже. Как же тогда возможно устойчивое и надежное знание?

Монтень не отрицает существование истины, однако сомневается, что она доступна одному отдельно взятому человеку. Он – скептик, избравший своим девизом вопрос «Что я знаю?», а эмблемой – весы. Но это не причина для отчаяния:

...я не рисую его [предмет] пребывающим в неподвижности. Я рисую его в движении, и не в движении от возраста к возрасту или, как говорят в народе, от семилетия к семилетию, но от одного дня к другому, от минуты к минуте. Нужно помнить о том, что мое повествование относится к определенному часу. Я могу вскоре перемениться, и не только непроизвольно, но и намеренно. Эти мои писания – не более чем протокол, регистрирующий всевозможные проносящиеся вереницей явления и неопределенные, а при случае и противоречащие друг другу фантазии, то ли потому, что я сам становлюсь другим, то ли потому, что постигаю предметы при других обстоятельствах и с других точек зрения (III. 2. 19).

Нужно отважиться принять человеческий удел, его незначительность: этот удел сводится к становлению, не к бытию. Через мгновение мир изменится, и я изменюсь вместе с ним. Рас-

сказывая в *Опытах* о том, что с ним происходит, и приводя свои мысли, Монтень ограничивается лишь указанием на постоянные изменения. Он – релятивист. Даже, можно сказать, *перспективист*: моя точка зрения на мир в каждый момент разная. Моя личность неустойчива. Монтень так и не нашел «точку опоры», хотя и никогда не прекращал ее искать.

Он выражает свое отношение к миру в образе верховой езды, во время которой всаднику нужно сохранять равновесие, удерживать посадку⁵. Посадка – вот подходящее слово. Мир движется, и я тоже: значит, мне нужно найти свою посадку в этом мире.

⁵ В русском переводе этот образ потерялся. Вот фраза, которую имеет в виду автор: «Таким образом, судить о них следует лишь тогда, когда они в устойчивом состоянии, когда они в ладу сами с собой, если это порой с ними случается, или, по крайней мере, когда они относительно спокойны и ближе к своей естественной непосредственности [de leur naïfve assiette]» (III. 2. 24).

4

Руанские индейцы

В 1562 году Монтень повстречал в Руане трех индейцев из Антарктической Франции – французского поселения в бухте Рио-де-Жанейро. Их представили королю Карлу IX, на тот момент двенадцатилетнему и проявлявшему большой интерес к туземцам Нового Света. Затем с ними поговорил Монтень.

Трое из этих туземцев прибыли в Руан в то самое время, когда там находился король Карл IX. Не подозревая того, как тяжело в будущем отзовется на их покое и счастье знакомство с нашей испорченностью, не ведая того, что общение с нами навлечет на них гибель, – а я предполагаю, что она уже и в самом деле очень близка, – эти несчастные, увлекшись жаждой новизны, покинули приветливое небо своей милой родины, чтобы посмотреть, что представляет собою наше. Король долго беседовал с ними; им показали, как мы живем, нашу пышность, прекрасный город (I. 31. 198).

Монтень – пессимист: Новый Свет, невинное дитя, страдает (да и уже пострадал) от контакта со Старым. Об этом заходит речь в конце главы *О каннибалах*, после описания Бразилии как страны Золотого века, мифической Атлантиды. Индейцы – дикари, но не потому, что они жестоки, а по своей природе, тогда варвары – это мы. Они едят своих врагов не потому, что голодны, а потому, что следуют своему кодексу чести. Короче говоря, Монтень прощает индейцам всё, нам же – ничего.

После этого кому-то захотелось узнать, каково их мнение обо всем виденном и что сильнее всего поразило их; они назвали три вещи, из которых я забыл, что именно было третьим, и очень сожалею об этом; но две первые сохранились у меня в памяти. Они сказали, что прежде всего им показалось странным, как это столько больших, бородатых людей, сильных и вооруженных, которых они видели вокруг короля (весьма возможно, что они говорили о швейцарских гвардейцах), безропотно подчиняются мальчику и почему они сами не изберут кого-нибудь из своей среды, кто начальствовал бы над ними (I. 31. 198).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.